

На Северной Двине

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 030
ББК 92
Н12

Н12 На Северной Двине / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 108 с.

ISBN 978-5-458-41445-6

В сборник вошли статьи и сказки Б. В. Шергина и С. Г. Писахова, статьи, посвященные народному искусству и быту, О. Э. Озоровской, П. Г. Истомина, А. Н. Попова, путевые заметки А. А. Евдокимова ("По реке Пинеге").

ISBN 978-5-458-41445-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

в переплете наблюдников, на кромках полиц, во всех и на всех мелочах от люльки до братынь, солонок и ложек внутри—всюду видно умение владеть деревом, создавать из него украшение жизни.

А старинный бытовой уклад и в его оправе сами хозяева дома: чин и степенство в движениях, деловитость и резон в размеренной своеобразной речи. куда еще не дошли Гомза, Гум и Цулп и даже „исполком“ звучит иначе, мягче; простая строгость досельной одежды — все вместе взятое человека из России, из наших центров, где строится новый мир и темп жизни уже давно иной—ошеломляет, уносит к пережитым сказкам детских лет, пожалуй, к временам царя Гороха...

И таких живых музеев старой Руси, неучтенных и неизвестных ни Главнауке, ни Главмузею у нас на Севере не один и не два...

Но старая Русь жива на Севере не только в семье, под кровлею старых домов. В престольные праздники, в гулянья, заревом штофников, переливами кованой парчи, алым цветом лент в косах ниже пояса,—выходит она на улицу, на околице или среди села, где собираются молодницы и белые лебедки-девушки: людей посмотреть, себя показать, в игре-гулянье пройтись, проплыть павой лебедью... Грани веков тут уходят, стираются и очарованный глаз жадно вбирает в натуру то, что можно видеть только у Маковского и других, в картинах старой Руси.

А наши северные песни и старины, в которых и сейчас, когда у нас XX век и в небе летают стальные птицы, еще живы князь Владимир Красное Солнышко, Илья Муромец, вся семья богатырей.

И в устах „сказителя“:

„Ай во славном было городи, во
Киеве,
Собирал то князь Владимир - от
почесен пир...“

все еще также естественно, как и четыреста—триста лет назад, звучит на карбасе, на покое над гладью Кулоя, Сояны и других рек и речушек, из тех, что на карте генеральной и искать не стоит...

Думается, не надо особенно доказывать, что у нас на Севере, в наших северных песнях, обрядах и обычаях, во всем укладе северной жизни мы имеем для сло-

весников, для этнографов, пожалуй, для художников, целый ряд в своем роде „магнитных аномалий“. И нельзя не пожалеть, что для этих „аномалий“ пока еще очередь не дошла. А когда дойдет,—то не оказалось бы поздно.

Жизнь идет вперед и как ни далеко от Москвы до Мезени и Пинеги, но отзвуки этого движения доходят сюда и северная деревня зацветает побегами новой жизни.

Всегдашняя самостоятельность и независимость, со-злавшаяся исторически от времен новгородских ушкунников и Марфы Посадницы, всегда выгодно отличавшая северянина от соседей, его упрямство в достижении раз намеченной цели, привычка к общественному артельному труду, к мирским общинным порядкам служат гарантией прочного внедрения и развития новых идей в толще народных масс.

Косностью мысли и действия северянин никогда не грешил, а обстановка, в которую он поставлен, для того, чтобы жить,—заставляет проявлять массу энергии, труда и изобретательности.

Тот именно тип, своеобразный, не похожий на других, тип северного крестьянина-промышленника, закаленного в лесу и в поле, помора-рыбака и морехода, на которого дули ветры всех румбов и плескал льдом и солью сердитый старик Океан—этот тип сложился исторически и он известен всем и каждому.

Ученые исследователи и путешественники, близко подходившие к населению края, наблюдавшие его в повседневной трудовой жизни, дают о нем лучшие отзывы.

Так один из них—доктор С. В. Мартынов признает, что население Архангельского края „по сравнению с крестьянами центральной полосы России заметно отличается большой самостоятельностью, сметливостью и предприимчивостью“, а по словам другого—д-ра Рихарда Поле—оно является превосходным человеческим материалом, который при соответственном воспитании и направлении, мог бы сделать очень многое в экономическом отношении и вообще своими качествами, физическими и умственными, далеко превосходит жителей средней части России“.

Если эта лестная оценка верна, то право же, за будущее Севера беспокоится нечего...

Мы будем жить...

О. Э. Озаровская.

Из дневника фольклориста.

Ненокс.
Июля 1915 г.

Мне пришла счастливая мысль заглянуть в солеварницы. Они раскинуты по глубоким извилистым оврагам. В яме стоит черный бревенчатый сарай с зияющей пастью, а в глубине видно огромное пламя. Плоский котел на 120 п. вари подвешен над огнем.

У ворот сидит Пётра и выпаривает соль. Я спускаюсь к нему и знакоплюсь. От него получаю первые сведения о солеваренном деле в Нёноксе.

Десять варниц работало когда-то. Потом бросили — невыгодно стало, больно соль дешева была. А теперь соль — в цене. В Архангельске 45 к. пуд. Варь на 100—120 пуд. потребует дров на 18—20 р. да поденщина рублей в пять станет. Чистых боле 25 рубл. от вари. Теперь две варницы заново поставили.

Был тут немец один. Инженер. Только заглянул, выскочил, за голову ухватился: „Ай, сколько пару даром пропадает!“ И разговаривать не стал — уехал. Это верно, что пропадает: и пар, и огонь. Можно бы и горшок поставить, да дегтю покурить... Ну-да уж, по отцам варим. Как отцы на веках варили, так и мы. Тоже раз от нас один хресьенин ездил посмотреть это дело за границу. Котел поставили заграничной. Стали варить по новому — соль пошла желтая.. Бросили. А наша — поглядите!

Налево в углу — куча соли мелкой и ослепительно белой.

Пётра бывал на Новой Земле и зимовал там. Рассказывал, как умирают от цынги:

— У нас товариш повалился. Мы зовем его на охоту, — никуда не хочет ходить. — „Встань, хоть пройдишь немного!“ — „Не лезь!“ — У нас гумага такая есть, при-

каз, штоб цынготного хоть силком проминать. Мы к нему пристали, а у него нож за поясом, он выхватил, стал махать, чуть не зарезал. Бросили. Так и не встал с нар, помер.

— А лешего там не видали?

Пётра усмехается.

— Не знаю, не видал. Я в это не верю. Сам не видал. Было раз. На Новой Земле, когда зимовали. Я в пешки играю. Это было воскресенье. Гриша-самоедин говорит: „пойдем в тундру за оленем!“ — „Не пойду, говорю, праздник да устал — не хочу“. — И осталса. Он пошел, потом приходит и говорит: „был же ты, по логу ходил, а я на гору вызнялся“. А я и не ходил. А он видел. Я в казарме был, а самоедину привидилось. Я ничего таково не видал. Видал раз, медведь в каютинку зашел да самовар унес. Это видал.

А то раз самоеды „чудь“ видели. Прибежали к нам и кричат: „Смотрите! Чудь ходит по губы!“ Мы пошли и не видали ничего.

Рассказывали другие, когда я на моря ходил. Было это в Карманкулах Больших (к Маточкину Шару), зимовали промышленники.

Скука там одолевает. Ну, вот был у них один Ондрей. У него из жил была сделана литара. Он играл.

Вот он играет, а в темноте кто-то пляшет. Сальничек засветил — никово нет.

Огонь цикать еще надо было. Он и придумал: на сальник горшечек надел. Заиграл. Затопотало. Он горшечек снял, увидал девку и схватил ее. Она кричит: „Пусти!“ А он ей: „Я увидел, так мне и владеть“. Девка стала бабой ходить. Это русалка была.

Тут еще вранья есть: она и обрюхатела. Тут суда пришли за промышленниками. Он у коршика совету просит: оставлять ей или с собой брать. А коршик был не промах, слышал на веках, говорит: „Ей оставить надо, уйдем потихоньку“.

Она же и родила, и ходила к Ондрею.

Ну, вот они запоходить сряжаются. Тросики занесли за гору и якогя выкатили. Стоят за горой Поветери дождались, тросы обрубил и судно понеслось. Она увидала, выбежала на гору, ребенка разодрала, половину себе взяла, а другу свись на судно! Судно бы овернулось, да она не попала, — только одна капелька

крови на борту. Стало судно опруживать; ну, стесали топором кровь, и выпрямилось. —

Вокруг нас с Пётрой собралось человек пять, сидят на земле и слушают. Едва кончил заговорили:

— Да, как уж тут не поверишь; на этих веках было Савишна была, вот все ее знали, слышали же?

— Как не слышать? Знаю.

— Савишну помним.

— Ну, вот. Коровушку она гнала да зругалась, о ней и унес. Леший унес водиться: жена у нево родила. У нево жонка была русская. Она Савишну пожалела: „Ты, говорит, бабка, хлеба не ешь, как он будет давать, ничего не ешь“. Вот она два дня ихной пишшы не ела. Леший говорит жонке: „Што, говорит, она ничего не ест?“—А женка ему: „Да, такая, говорит, дрянна эта нянька, с ребенком водиться не знат, пошто ты ее принес?“ Он схватил Савишну,—обратно. Все костычи ¹⁾ прирвал о лес. Она сама сказывала; два дни пропадала, это уж все знали, как не поверить.—

Я направляюсь в другую варницу и задумываюсь: как не поверить в случай с Савишной, когда такой же рассказывают про повивальную бабку в Кемии. Там даже на вараке ²⁾ крест стоит, чтобы леший не таскал себе в щель людей.

Здесь Пётра уже заканчивал „воспариванье“ соли, а в другой варнице я застала еще „увариванье“, которое длится 24 часа. Из колодца три жонки накачивают естественный 10% раствор. Голубоватая вода бежит по деревянному жолобу через дворик в варницу. Оттуда Еким крикнет „будет!“ и жонки бросят качать, сядут отдыхать, возьмут шитье в руки.

Через часок Еким станет испытывать варь. Если погруженная палка сразу покрывается белым налетом, значит варь крепка и можно подбавить свежего раствора: „Качайте!“ Жонки опять начнут качать“. Работа с прохладцей, совсем для моих целей выдумана.

Я быстро знакомлюсь. В Нёкоксе мое прибытие уже отмечено и уже решено, кто я: долгожданная акушерка. Когда, вчера, я гуляла по окраине посада, выска-

¹⁾ Сарафан старинного покроя.

²⁾ Каменная гора, скала.

кивали женщины, махали руками, показывали на дома, кричали мне: „Туда“ туда ступай! Уж схватывало ее вчера“!

Я ничего не понимала и считала их сумасшедшими.

Мое появление во дворике варницы встречено приветливой улыбкой:

— Акушёрка?

— Нет.

— Знакомые есть?

— Нет, я за песнями.

Впечатление великолепное. Выходит из варницы Еким, высокий, статный, красивый и застенчивый. Он дает мне объяснения

— Чьи это варницы?

— Наши.

А мне сказали, вы поденщик.

— Да я—и поденщик и хозяин. Придет моя варь, — захочу сам варить буду, захочу поденщика возьму.

— Значит варницы общественные?

— Триста лет, как перешли к крестьянам.

— От кого?

— От Марфы Посадницы!

Вот оно что! Новгородцы. Я чувствую себя плебейкой перед кровным аристократом и гляжу искоса на тонкий, строгий профиль Екима с уважением. Жонки вмешались:

— Марфу Посадницу знаешь? Она тут владала. Оба сыночка потонули, выбросило море на берег; где их нашли, тела-ти под кустышком, под шипцею, на том самом месте монастырь построила она Никольский. Бывала там?

Я сговариваюсь с потомками людей Марфы Посадницы притти к семи часам вечера. Жонки сменятся в 6 часов, сбегают домой и вернутся сюда. Будут три новых жонки, да эти, да Григорий придет сменять Екима, а Еким останется. Будем песни петь тихонько, чтоб люди не осудили, что во время войны песни поем.

— А как называются варницы?

Крестова, Ново-Коковиньска, Гришнева, Яковлева, Михайлова, Сиско - Никольская (Сийско - Никольская), Волгариха, Кобелиха, Скоморошищья.

А! Скоморохи! У вас была своя варница? Дарованная вам за ваш талант? Или может-быть вы нажили себе так много денег на своем искусстве, что внесли свои пай и выделили себе варницу?

Как хорошо попасть в край, где история перепуталась с лешими, чертушками...

Итак до вечера.

Незабываемый вечер.

Маленький дворик между тремя варницами в яме (две уже заброшенные). Был когда то навес на столбах над забором но он уже разрушился и черныс осколки сгнивших досок живописно торчат и свисают над головами жонэк у насоса. Я примостилась на ступенях старой варницы с фонографом; на траве лежат мои сладкие гостинцы. Вокруг меня доверчивая компания. В конце концов они довольны, что я не акушерка, и я ясно ощущаю то веселое напряжение огромного взаимного интереса, которое так редко возникает в собрании интеллигентов.

В полураспахнутые ворота варницы видно адское пламя и на фоне его чернеется Еким. Одним глазом он смотрит на варь, другим на нас.

Черный мохнатый Григорий, который сменит Екима только в полночь, оказался обладателем красивого голоса

Запели. Согласно, стройно, не громко. Над нами небо затянутое серыми облачками, и так уютно в этом дворике, так укромно, что меня охватывает невыразимое счастье от сознания духовной близости с новгородцами. У нас совсем одинаковые вкусы.

Записаны тексты и мелодии лирических песен, заканчивается пенье исполнением прилагаемой любопытной и по содержанию и по капризному ритму.

Я считаю нужным обозначить цезуру.

Панья.

(Поётся о святках вместо колядки молодежью за угощенье).

Как пошла млада панья /по своим новым сеням,
Как по чясту, как по чясту/ из окошечка смотрела:
Ежно из поля, из поля /да из далека циста поля.
Ежно едут поедут/ да все кнезья-боера,
В тороках везут кнезя/ да все кровавоё платьё.
Выходила млада панья /на прекрасной крыльцё,
Не дошедши млада панья /по низкому целом довела.
Уж вы здрастуйти, кнези-боера,

Вы видали-ли кнезя/ моего-то бывшего пана?

Как перьвой кнезь слово молвил:

„Мы его видом не видали“.

Как второй-от слово молвил:

„Да мы слыхом не слыхали“.

Как третей-то слово молвил:

„Уж мы столько видали:

„Ево доброй конь рыштет /по далеци цисты полям

„Ево церкасько седелко, по пуд-цереву¹⁾ волоцилось,

„Ево шолковой повод /копытом лошадь заступает

„Ево шолковая плетка/ лютою змею извивает,

„Ево буйная глава /под ракиновым кустышком

„Ево русые кудри/ вихорем-ветром розносило

„Ево ясныя оци /да ясны соколы розносили,

„Ево черные брови/ черны вороны расклевали,

„Ево бело тело /серы волки расторзали“.

Как пошла млада панья /со своих новых сеней,

Как будила млада панья/ своих маленьких детей:

„Уж вы станьте, пробудитесь мои маленьки детки!

„Как у вас-то малых деток/ света-батюшка не стало,

„А у меня-то младой паньи /бывша пана не стало“!

Как на другой день млада панья /в зеленом лесу

гуляла,

Во пригорьи рвала траву/ васильевску

Во прикрутьи шшипала /цветы лазуревы²⁾

И прикладывала) к своим белым шшекам:

„Будьте столько же аленьки, мои паньины

шшецьки“!

Как на третий день млада панья /во замуж выходила:

„Господа-ле, вы, господа, ко мне завтра на свадьбу,

„Хлеба-соли кушать, вина-пива пити !

Паньюшка по сеницкам похаживала,

Хлопчика за ручьку поваживала:

„Пойдем ты хлопчик, на кружельский двор,

„Возьмем мы, хлопчик, чярочку винца и братынюку

пивця,

„И выпьем, мы, хлопчик, по чярочки с тобой:

„Ты за мое здоровьице, а я за твое.

„Ты-то будешь пьяный, а я весела!

„Ты будешь плесать, а я буду скакаты!

¹⁾ Под чревом.

²⁾ Северные крестьяне по моим наблюдениям под лазоревым цветом подразумевают алый.

„Мой-от пан уехал /во большо гулять,
„Меня пан оставил/ горе горевать, тоски тосковать.
„Я ведь не умею, горе-горевать, тоски-тосковать.
„Стольки умею скакать да плесать“!
Мало по малу сам-от пан на двор.
Выскочил хлопчик — из полу-окна,
Выставил хлопчик правую руку, а левую ногу.
Отсек пан у паньюшки по плечь голову:
„Вот тебе, паньюшка, чяроцька винця, да бра-
тынка пивця,

„Вот тебе, паньюшка, скакать да плесать.

Опять дыхание истории, когда со смутного времени здесь осели ляхи. Здесь на погосте церковь св. Климента, а на старом кладбище уцелели плиты с польскими именами. Невесты в причетах поминают св. Климента и молятся ему. Среди населения есть носящие польские фамилии — Феликсовы, например.

Прим. ред. Фамилия Феликсовых возможно и более раннего происхождения. Феликсом звали одного из утонувших сыновей Марфы Посадницы.

Я прошу сказочек. Все пристают к Екиму, чтобы он рассказал про какую-то бабушку.

Лицо у Екима строгое, но около ноздрей есть какая-то складка сдержанного смеха. Едва он открыл рот, как все покатились. Он повторил раз пять эту незатейливую бывальщину, каждый раз с тем же успехом.

Еким и старуха.

Я шел из солдат и спрашиваю:

— Бабушка, где-это-та дорога мне пройти?

— Нимо кузьницы, нимо толканци, на огороу дорога висит. Дитятко, говорит, не видал-ле моей коровушки?

— Какая у тебя коровушка? — говорю.

— На веревочке шейка, а на лысынке лобок.

Еким разошелся и рассказал еще:

Поп и дьякон.

Влюбилса дьякон в попадью и ходит к ей.

Сидит у ей раз, она ево спрашивает:

— Куда завтра, отец-дьякон, поедешь?

— Да я поеду попахать.

— Я к тебе приду. Напеку шанёг, колобков. Ты насыпь опилок, я по опилкам твое полё найду.

— Ладно.

Они говорят, а сын слышит, мальчишка небольшой,

Вот попадья напекла шанёг, пирогов сподобленных. пошла к дьякону. А сын рано встал, насыпал опилок по дороге к попу. Попадья по опилкам и пришла. Поп думат: „Што тако, попадья смиловилась, всево напекла, да ешше сама приңесла“.

Она видит, не туда попала, говорит:

— Поп, поди позови хоть дьякона вместе ись.

А сын говорит:

У дьякона собака злюшша, без палки не ходи! Псп взял палку брьшашшу и пошел.

Сын забежал вперед и кричит:

— Дьякон! Пошто к мамки ходиш? Татка к тебе с палкой идет!

Дьякон бежать: схватил полы долги, волосье трепешется...

Поп кричит:

— Дьякон! иди шанег да пирогов ись!

А тот от него.

Закрапал дождики, разогнал нас. Возвращаюсь одна переполненная звуками песен, нахожу сходство с чудесными Кемскими, но там в каждой любовной песне говорится еще и про море. Далеко Пинеге до Поморья в области лирики. Словно темные сузымы (девственные леса) научили пинежан крепко хранить любовные тайны. Слова любви вырываются неуклюже, с усмешкой, робко и сбивчиво. А в поморьи, там раздольное море и призрак вечной опасности вырывают признания, и они льются широкой волной. Поморы не боятся сложить песни о любви замужней к молодцу и женатого к девице. На Пинеге строже. За то там царит эпос. Сказки, эпические песни и величальные на удивительной высоте.

Следующее утро я посвящаю чтению и переписке желтеньких листов из записной книжки Афанасия Тячкина, свекра моей любезной хозяйки. По ее словам свекр никогда не расставался с карандашом: „даже на пожню с карандашом ходил, все записывал, всяку глупость, даже злость брала“. Во время крушения на море у него